



ИСЦЕЛЕНИЕ

для тёмного

МИРАНДА ГРИН

Миранда Грин
Исцеление для тёмного

«Автор»

2023

Миранда Грин

Исцеление для тёмного / Миранда Грин — «Автор», 2023

Мне "повезло" родиться полукровкой. Что это значит? Неспособность пользоваться даром, собственная магия стремится избавиться от меня, и стабилизировать ее можно только браком с сильным чистокровным. Но кому нужна невеста с подпорченной родословной? У него репутация Синей Бороды, он молод, красив, с высоким постом. И тяжелой травмой из-за проклятия. А еще он готов взять меня в жены. Звучит не очень обнадеживающе, но я постараюсь выжить. И найти свои плюсы в этом союзе.

© Миранда Грин, 2023

© Автор, 2023

Содержание

1. Претензии предъявляйте производителям	5
2. Не бойся	10
3. Новая жизнь	17
4. Знакомства	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Миранда Грин

Исцеление для тёмного

1. Претензии предъявляйте производителям

В далёкие времена, ещё при моих прапрабабках красивых женщин сравнивали с ведьмами. Весьма справедливо, могу заметить. По крайней мере, если смотреть из нашей эпохи – пластическая хирургия на магической основе достигла потрясающих высот. Исправить можно всё, что захочется: слишком тяжелые или слишком узкие бёдра, кривой нос, маленькую грудь. Любой физический недостаток поправим – только открывай карман пошире и будет тебе счастье. Даже серьёзные недостатки, отравляющие жизнь годами, можно исправить после совершеннолетия, когда твоя магия успокаивается и приходит в порядок.

Кроме той проблемы, что досталась мне.

Врождённый дефект магических каналов исправить не так просто. Варианты, конечно, существуют, но... Скажем так, шансов умереть у меня куда как больше, при самом хорошем исходе моя магия перестанет отравлять тело, потому что я её лишусь. Вот только жить мне нравится и даже очень, а уж жить и быть полноценным магом – и вовсе сладчайшая и заветнейшая мечта, ради которой можно и рискнуть.

У полукровок проблема может и весьма частая, но, увы, не получившая универсального безопасного способа решения, доступного всем и каждому. Оптимальный вариант в такой ситуации – полный магический брак с сильным чистокровкой. Как понимаете, тут же кроется и первый подвох – таких в целом не много, да и разбирают их ещё щенками как породистых элитных собак. К тому же, мало кто согласится разбавлять кровь и брать такую лотерею в дом: ещё неизвестно, что из полукровки по итогу выйдет, будут ли сильные дети. Будут ли дети хотя бы приемлемо одарёнными – вот более точная постановка вопроса. Каким образом мои родители уломали на подобную авантюру целого орденского магистра – вообще тайна, покрытая мраком. А для меня – ещё один лотерейный билет. Кто бы что ни говорил, но магия сильно бьёт по мозгам, на таком уровне силы практически каждый – личность весьма, кхм, одиозная, и ожидать можно практически чего угодно. Так что в авантюру ввязываются обе стороны при заключении подобного брака. Он берёт кота в мешке с точки зрения продолжения рода, я получаю сомнительный шанс выжить с перспективой жизнь “в замке с драконом”, где перед драконом ещё и супружеский долг нужно исполнять.

Понятия морали у магов специфические, как и взгляды на мир, это я вижу даже внутри собственной семьи. Давайте честно, жертвоприношения в наших кругах не считаются чем-то порицаемым, даже если приносятся близкие люди. И для неудачной жены такой исход – не самый мучительный из всех возможных. Восточное Крыло ордена, руководящее магами в наших местах, и опыты над отступниками активно практикует. Ради общего блага и продвижения науки, конечно же. Так что у меня есть шансы и лабораторной мышкой стать. Ладно, хватит думать о плохом, хватит-хватит. Может хоть в этот раз мне повезёт и этот договорной брак принесёт мне хотя бы добрососедские отношения. Взаимное уважение уже будет огромной удачей.

В общем, я предпочту думать, что грядущее новолуние принесёт мне неплохой брак, а не путёвку на лабораторный стол для разбора во имя остальных полукровок. Да, о конкретно таком исходе я не упоминала, но, думаю, он вполне логично вытекает из того, что я вам уже рассказала. Интересно, будет ли кому перечитывать эти дневники через пару недель или я просто пытаюсь успокоить сама себя, изливая мысли безмолвному собеседнику?

Словом, потенциальный муж-незнакомец не кажется такой уж мрачной перспективой, люди к друг другу обычно притираются. Ещё бы знать, кого мне подобрали, но родители молчат, а вот... А вот бабуля с папиной стороны может не отказать в такой мелочи, как намёк на личность суженого. Я в выводке мальчишек в моём поколении у неё единственная внучка, оттого и любимая. К тому же, именно по её знакомствам искали согласного кандидата, вот и посмотрим, на кого вышли. Нужно только до неё добраться. И уговорить.

Сползаю с кровати, переживая короткую вспышку слабости – и уже давно не пугающую темноту перед глазами – вызванную идущей в разнос силой, действующей как яд, с которым я пока не способна справиться. Магия в целом ядовита, а у одарённых к ней своего рода иммунитет... ладно, не в этом сейчас дело. Состояние в целом привычное, так что хожу я всегда аккуратно. Но скоро всё это закончится, до времени ритуала осталось совсем чуть-чуть.

Пройти несколько дверей по коридору удаётся без опоры на стену, только под конец я замираю, держась за косяк и переводя дыхание, переживая очередное помутнение зрения. Ненавижу собственное бессилие. Особенно потому, что каждый здоровый родственник, что маг, что обычный человек, норовит меня в него ткнуть своей жалостью. Своей притворной заботой. И думают, будто я не вижу как именно они на меня смотрят...

– Ба? Можно зайти? – всё ещё жмусь к стене, замирая на пороге её кабинета.

– Рина? – больше утверждение, чем вопрос, кажется, меня ждали. – Заходи, конечно. И садись сразу.

Обрадованная приглашением, падаю в кресло. Иначе пришлось бы стоять сусликом перед тяжёлым столом – без разрешения главы клана в её присутствии сидеть можно было только беременным. Ну и совсем тяжело больным – а моё состояние к таким категориям не относилось.

Дать бабушке больше сорока лет не вышло бы, даже задаваясь такой целью и рассматривая в упор. Она выглядела ровесницей своему младшему сыну, моему отцу. Зато мать моя, магичкой не бывшая, рядом со свекровью казалась её старшей сестрой – в лучшем исходе. Беременность мною, в которую та самонадеянно пренебрегла всеми возможными рекомендациями медиков, вызвала отравление магией. Лишила её здоровья и молодости – а меня шанса на нормальную жизнь. Стала причиной нашей взаимной тихой неприязни – и, нет, я не боюсь говорить об этом прямо.

Зато с бабушкой я, смею надеяться, неплохо лажу. Могу вот сидеть в кресле с ногами, медленно потягивая чай из тонкостенной кружки, пока подбираю слова, для тяжёлого разговора. Но меня выручают:

– Пришла узнать, кому же тебя решили продать? – звучит цинично, но более точного слова тут и не подберёшь.

Киваю, потому что отсёгнутая семейству сумма была озвучена мне сразу. Уж больно много вопросов она вызывала. Надеюсь, хотя бы на часть из них я получу ответ.

– Да, в чём подвох. Не поверю, что для магистра ордена не нашлось более подходящего варианта, чем полукровка, которая может не пережить брачный ритуал. Будто кто-то сорит деньгами.

– Магистр Вирт вряд ли может сильно привередничать, с его-то травмой. Да и с его репутацией, – выбор моих родителей она явно осуждала.

А вот фамилия заставила подавиться чаем и судорожно хватать воздух, в попытке удержаться среди живых. Пусть я знала только немногочисленные слухи, но... Михель Вирт считался выдающимся, да, самый молодой магистр, породистый красавец – по крайней мере, так говорили – и Синяя Борода. Его жены гибли хлеще мух, ни одна не преодолела отметку в полгода совместной жизни. На первый взгляд – несчастные случаи или же удачные покушения, но для понимающих в сложных проклятиях – тревожный звоночек.

Да и к слову о проклятиях... сплетничали, что наградили его ещё одним, из-за которого сильно перебирать потенциальных жён он и не может. Кому из магичек из хороших семей нужен брак, который не принесёт ребёнка?

Кажется, лично я Вирта не видела, могу только смутно вспомнить что-то из светских хроник, какой-то весьма расплывчатый образ холодного будто айсберг блондина. И, кажется, даже в этой лотерее я проиграла. Что ж тебе, Ринка, так не везёт? Получается только жалобно мяукнуть:

– Интересно, сколько протяну с ним я?

– Ну, если будешь себя хорошо вести...

– ...и не открывать закрытые комнаты, да. Я помню ту сказку. Почему они на это согласились?

– Пусть я и не считаю Вирта хорошей кандидатурой, но... я привыкла верить своему чутью. Здесь главное, что на это согласилась я. Попробуй найти в этом плюсы.

– Ну разве что отсутствие супружеского долга... Это же плюс или не очень?

Она неопределённо повела ладонью и подтолкнула мне тонкую папку, в которой без проблем угадывалась копия архивного дела. О, мне предлагают ознакомиться с моей будущей “половинкой”? Ну, посмотрим, что там. Осторожно открываю, будто та может меня укусить. Поверх стопки листов лежит фотография, неофициальная, сделанной будто бы исподтишка. Мокрый снег, свет от фонаря, под которым курит высокий блондин, игнорируя непогоду. Буквально кадр из мелодрамы. Такому, как парень на кадре, любая бы с удовольствием глазки построила.

А вот на следующей фотографии уже, как говорят, “остатки былой роскоши”, бледная тень яркого красавца с предыдущего изображения. Нет, в отдалении он всё ещё был хорош, но общая измученность оставила отпечаток. И синева под глазами, и слишком исхудавшее, заострившееся лицо – мученически-лихорадочное выражение, которое я слишком давно наблюдая в собственном зеркале.

Но осанка всё та же – будто стоит в строю, не позволяя себе расслабиться ни на миг, всегда готов, всегда в напряжении. И движения наверняка сохранили былую точность и резкость. Такой вряд ли кому-то позволит себя жалеть или обиходить. Дома наверняка справляется со всем сам.

Руки должны быть очень сильными. Удушит и не заметит. Пальцы сами метнулись к шее, будто ощутив на ней жёсткую хватку. Но смехок напротив здорово отрезвляет, возвращая в реальность. Задумалась, не спорю. Главное не позволять себе переключаться мыслями на найденные в материнской библиотеке дамские романы. Да, меня эта гадость не минула! И вот не осуждайте девушку за интерес, у меня нормальный переходный возраст!

Вдовец целых семь раз, но это и так известно. Пунктик о возрасте опущен, кажется, бабушка посчитала эту информацию несущественной, но по моим прикидкам он лет на десять меня старше. Может, на двенадцать, что-то такое всплывает на краю сознания. Может слышала где...

И внушительный послужной список. Даже не знаю, что нужно было сделать, чтобы этого монстра – и это сейчас скорее восторженная характеристика – сломать. Кем нужно быть для такого...

– Кто-то послабее там бы и остался, пополам разрубленный, а этот выжил. На голой силе и желании жить до прибытия группы продержался. Даже жаль, что детей у вас не будет, такая мощь, такая наследственность!

– Ба! – нет, я прекрасно понимаю ход её мыслей, но не залиться краской не могу, то ли от слов, то ли от того, что подкинуло воображение.

– Да я молчу. Пусть и надеялась на появление правнуков.

Хмыкаю. Не судьба, магическая линия семьи прервётся на мне, мои братья уродились чистыми не магами, а двоюродные... тех сыновей бабушка не считала слишком удачными детьми, о чём регулярно им напоминала. В моём случае поможет только чудо, потому что брачный ритуал сходить налево не позволит. Главное не начать с годами рыдать в подушку, вспоминая красавца-мужа и представляя неслучившийся выводок его мелких блондинистых копий.

Интересно, когда мои магические каналы встанут на место – что проявится, какая склонность дара? Очередная волна слабости заставила сжать подлокотник, а потом меня пробила нервный смех – инвалидная команда, чтоб вас всех! Но эта команда еще даст всем жару, хотя бы в плане безразличия к мнению окружающих.

Поднимаю глаза на бабушку, ожидая дальнейших комментариев. Ну, например, когда мне предстоит покинуть отчий дом – нужно как-то подготовиться, собраться, хотя бы морально. Как оказалось, у меня ещё почти две недели, заберут меня непосредственно перед ритуалом, так что времени на всю моральную подготовку хватит.

По помещению словно проходит ленивая волна магии, изучающая, очень... хозяйская. Будто в кабинет заходит кто-то очень сильный, не стремящийся эту силу скрывать. Мы одновременно прикрываем разум щитами, уж на это моих способностей хватает, пусть такая защита и будет не слишком надёжной. Видимо, кое-кто почувствовал, что его обсуждают. В зеркальной дверце книжного шкафа на миг отражается высокая бледная тень с небрежно обёрнутым вокруг бёдер белым полотенцем. Положение тени меня не слишком смущает – такие фантомы ограничениями тела владельца не связаны. Но вот когда он наклоняется ко мне... дыхание перехватывает, на горло будто ложится горячая ладонь. Наваждение исчезает в ту же секунду, оставляя после себя смутную тень чего-то непонятного... чего-то вроде возбуждения?

– Потрясающе... кхм, дайте два.

– Такого как он и одного на орден многовато будет, – бабушка лениво шевелит пальцем, под этим жестом папка в моих руках перелистывается сама по себе, замирая на странице с кратким отчётом по моим покойным предшественницам.

– Да, – беру себя в руки, тут же переключаясь, – так что с жёнами? Почему такая, эм, текучка?

– Ну, я могу предложить тебе несколько вариантов. Может быть – действительно нелепые несчастные случаи. Хотя звучит абсурдно. Может какое-то проклятие, или нажитые магистром враги стараются. Ну и могу предложить четвёртый вариант, если уж мы стараемся сначала предполагать человеческую тупость, а не злой умысел... дурёхи просто решили поискать тепла и ласки на стороне. И в этот исход я верю больше – потому что семьи девиц не устраивали разборок.

В проклятие верилось не слишком сильно. Проклясть магистра, даже если молодого – надо собираться толпой. А верхушка ордена всё-таки предпочитает стабильность, неизменный состав, где на каждого есть папочка со списком оплошностей, чтобы вернуть на путь истинный. Вечная текучка никому даром не сдалась: ищи потом компромат на очередного выскочку.

Ещё несколько фотографий, в том числе с первой брачной церемонии, буквально через несколько месяцев после полученной травмы. Можно было бы начать подозревать, что он подпитывается магией неудачных жён и за счёт этого живёт. Если это так, то протяну я очень недолго. Пару лет, если не повторю ошибок предшественниц.

Когда мне было четырнадцать, я рыдала над своей судьбой несколько недель практически без перерыва. В последний год я смирилась и просто надеялась, что мой исход будет безболезненным. Забавно... забавно, что все предыдущие жёны Михеля – блондинки, одна я буду как чёрная овца в этом ряду.

То, что мне даже выбора не предоставили, не цепляло, так уж устроено наше общество, подобное было ожидаемо. Тем более, что самостоятельно, “по любви” я бы вряд ли нашла себе

настолько удачную партию, это надо признать, пусть прозвучит и весьма... меркантильно. Будь у нас брак по минимальной программе клятв – я бы притворялась, что не изменяю, он бы – что не замечает побегов прислуги из спальни жены, прям как в старых романах. Вот только мне “минималка” не грозит, о полном ритуале меня предупредили сразу, чтобы не строила себе иллюзий. Но надо будет поискать и в этом плюсы, вдруг всё не так плохо как кажется?

Последним было фото будущего супруга рядом с удивительно похожей на него девушкой. Отгадка нашлась сразу же, на обороте карточки: “Михель и Лина Вирт, после вручения наград за устранение прорыва”. Всегда в самых опасных местах, на стыке миров, значит?

Ещё совсем юные, светловолосые, может чуть старше, чем я сейчас – потомственные орденские маги во всей своей красе. Он – на голову выше сестры. Затянутые в форму, на плечах – семилучевые звёзды, знаки отличия. Про Лину Вирт, кстати, до этого я не слышала, впрочем, слухами об ордене и не слишком интересовалась, меня сплетни волновали мало.

Еще раз пробежавшись взглядом по фото, вернула документы на место. Будущее было темным и пугающим, но я все-таки надеялась, что мы уживемся. В крайнем случае – обойдемся взаимной вежливостью за завтраком, к общему утреннему приему пищи меня приучила семья. Это обедать и ужинать можно было где угодно, по желанию, но утром – обязательно за столом со всеми. В какой-то момент это начало раздражать, но сейчас стало восприниматься как должное. Интересно, изменится ли что-то в этом плане при переезде? Какие традиции приняты в этой семье?

– Хочешь ещё что-то спросить?

– Честно говоря, не знаю... что ты хотела бы мне рассказать?

– Рассказать... Это семейство очень ценит честность. И долг, так что будь готова, что можешь получить в лицо всё, что о тебе думают, если кто-то из них не посчитает нужным сдерживаться. Но и сама можешь не молчать, хотя выражения и стоит подбирать... В любом случае, я всегда буду на связи – можешь обратиться, если станет совсем невыносимо.

– Мне есть о чём переживать?

– Если ты про всякие ритуалы на своих – то в таком они не замечены, по крайней мере, младшие. Про его родителей ничего не скажу, кажется, в благородном семействе разлад.

В дверце снова отразилась тень, в этот раз более отчётливая и собранная, но под моим взглядом тут же растворилась, хотя смутное присутствие всё-таки угадывалось. Кажется, это было что-то вроде смотрин, но какие выводы для себя сделал маг – мне только предстоит узнать.

– Ходит как к себе домой, – бабушка покачала головой. – Мальчишка... с другой стороны, это хороший знак.

– Почему?

– Ему интересно. Я бы насторожилась, если бы ничего такого не было, тогда можно было бы говорить о простой сделке. Однако простое человеческое любопытство ему не чуждо, так что может у вас и выйдет что-то... что-то. Не просто “купля-продажа”, а более похожее на нормальные человеческие отношения.

– Я тоже на это надеюсь. Что ж, я пойду, не буду отвлекать тебя от дел ещё дольше. Спасибо, что уделила время.

На выходе из кабинета снова ощущаю чужое присутствие, в этот раз не просто рядом – касаясь плеча, скользя по спине. Пробивается эхо эмоций, хорошо скрытый интерес, оценка. И что-то незнакомое, может даже показавшееся, потому что тень исчезает сразу же. Спину колет в том месте, где лежала ладонь. Думаю, мне пора, уже поздно, а то мерещится всякое...

2. Не бойся

В день, ради которого всё и затевалось, дом накрыла всеобщая суетливая паника. Ну, или это можно назвать панической суетой, наверное так будет точнее. Я же будто провалилась в ледяную пропасть, в которой не было никаких чувств, даже чужие жалеющие и сочувствующие взгляды проходили мимо моего восприятия. Считается, что дефектных полукровок накануне совершеннолетия должно скручивать так, что жить не хочется, но пока что я чувствую примерно ничего. Будто я самый обычный человек – давно забытое ощущение из далёкого детства. Чего точно нет, так это аппетита, и все попытки родственников подпихнуть мне кусок повкусней не достигают цели.

Смотрю на бабушку, ожидая разрешения, и сразу же вылетаю из-за стола, стоит той кивнуть. Это невыносимо, всё это фальшивое сочувствие. Особенно от тут же возникшего за спиной младшего брата, видимо решившего меня конвоировать до комнаты. Только у порога комнаты приходит понимание: они переживают, что я с собой что-то сделаю. Странно только, что эта мысль пришла им в голову только сейчас – у меня было огромное количество времени наедине с собой после объявления о браке. Вот только он меня не пугает – в жизни и без того хватало неприятных моментов, а тут я пока что пытаюсь видеть положительные стороны. Всё-таки свои жизненные обстоятельства я прекрасно осознаю.

На письменном столе стоит неучтённый предмет – перевязанная тёмно-синей лентой коробка. Традиционный среди магов предсвадебный подарок. Кажется, его привезли посреди ночи, что-то такое звучало, но обратила я на него внимание только сейчас. Думаю, сейчас весьма подходящий момент для развязывания банта.

– Посмотрим, что такое дарят магистры жёнам. Аж восьмым, подумать страшно! Макс, уйди, не мозоль глаза, а? Или зайди уже нормально, только в проходе не стой!

Застывший в дверях брат изрядно раздражает. И вопреки моим надеждам, он делает шаг вперёд, закрывая за собой дверь в комнату. Непрошенная моя нянька.

Бант на коробке, кстати, не обманка, а действительно хитро завязанный узел. Вот только понять, вязали его руками или магией не получается. Но распускать даже немного жалко. Бархатистый футляр оказывается только внешней коробкой, в которой лежит ещё одна, в приличном отрезе натурального шёлка в тон ленте. Нос щекочет слабый растительный запах – Ирис и веточка белой лаванды. Надежда на лучшее будущее и обещание защиты. Какая ирония в этой ситуации...

С другой стороны, может всё и не так мрачно, как я себе рисую? Может худший вариант-то и не наступит? Конечно, обнадёживать себя ещё очень рано, элементарная вежливость – вот чем всё это может оказаться. Соблюдением приличий и традиций. Но выбор цветов... Это скорее очень деликатное обещание не давать в обиду. Да, тут нет любви и страсти, но откуда им взяться в договорном браке? А вот уважение и взаимопомощь – уже достаточно много для такого случая. Так что всё вполне может обойтись. Цветы слабо мерцают заклинанием сохранности, отражающемся на лакированном дереве основного подарка.

– Всё-таки открыла подарок? – моя драгоценная, всегда знающая, в какой момент появиться, бабушка заглядывает в комнату. – И правильно. Как минимум, это вежливо, на такие подарки ставят сигналки, чтобы узнать, что получатель открыл посылку.

– Сигналка? Вот ещё наблюдений за мной мне не хватало, – я оборачиваюсь к старшей родственнице, забыв про подарок.

– Всегда так делают, обычная практика, не переживай. Она считывает эмоциональный фон от подарка, помогает лучше понять настрой будущей супруги. Ну, знаешь, некоторым мужчинам проще воспользоваться магией, чтобы решить такие вопросы.

Я могу только хмыкнуть, разворачивая ткань. Приличный по длине отрез, кстати, тут не то что рубашку пошить можно, на короткое платье хватит – как раз чтобы голыми ногами перед мужем светить. В любом случае, материал на ощупь прекрасный, ходить в нём будет только в удовольствие. Из складок ткани выпадает карточка.

Надеюсь, что тебе понравится.

Совершенно нейтральная фраза, твёрды почерк с собственным характером, а не безликое послание с помощью заклинания. Замысловатая подпись, немного не сочетающаяся со строгими буквами.

Внутри оказалась шкатулка. Основательная, деревянная, но обитая тканью, с кованными уголками и ножками. Не кричащая «Смотри, какая я роскошная», а сдержанная, темно-синяя с серебром. Как та аристократка, происхождение которой видно по осанке и манере держать себя. На чуть более светлой ткани внутренней обивки лежала брошь: замысловатый цветок, названия которого я не знала, но чем-то похожий на все тот же ирис, даже для магически слабой меня фонил и искрил. Сзади была еще одна петля, в которую продели цепочку. Удобно.

Вот тебе и обещание защитить. Хороший, мощный комплекс чар. И вопрос ношения продуман, даже если брошь не везде приколешь, то уж кулон на шею повесить можно всегда. Украшение слабо колет пальцы, словно мелкие лапки ощупывают руки, в которые оно попало. Судя по прекращению щекотки – меня признали. Приятно. Даже какая-то невольная улыбка на лицо наползает, в груди теплеет.

Стоит мне защелкнуть замочек, как застежка исчезает, оставляя сплошную цепочку, снять его теперь не сможет никто. Бабушка рассматривает меня несколько долгих мгновений и довольно кивает:

– Надеюсь, что этот брак будет долгим.

– Я тоже.

– Кажется, ты готова дать ему шанс?

– А у меня есть выбор? Да и впечатление пока исключительно благоприятное. Почему бы не попытаться найти плюсы в ситуации? А устроить истерику я успею всегда, так что я предпочту попробовать получить удовольствие.

Она кивнула, а я снова погладила отрез ткани. Бабушка скосила глаза на брата. Тот кивнул и выскочил из комнаты с огромным облегчением, которое в воздухе потрогать можно было. Ясно, значит, все-таки боялись, что я с собой что-нибудь сделаю. Зря. Она перевела на меня взгляд, мельком отметила машинальные движения моих рук и спросила, не хочу ли я что-то из него сделать, пока есть время и портной успеет пошить нужную вещь. Поделилась мыслью о блузке или рубашке. В глазах нашей «боевой старушки» мелькнула искра.

Она коснулась ткани и кивнула какой-то своей мысли. Вспышка провидения? Интересно, что она увидела? Но если не расскажет сама, то никто и не узнает, что там пришло ей из будущего, хотя улыбка была многообещающая.

Когда бабушка вышла из комнаты, я принялась рассеянно собирать чемодан, все глубже погружаясь в бесплодные размышления и попытки представить свою будущую жизнь. Три дня назад мне в руки попала совсем свежая информация о женихе. Разница в возрасте в четырнадцать лет, конечно, напрягала. Хотя по фото я бы ему не дала четвертый десяток – выглядел он немногим старше меня, лет на двадцать пять, не больше. Но все-таки восемнадцать и тридцать два – ощущаются как разница, по крайней мере, на данном этапе. Но для магов что то, что то – не возраст, так, молоко едва на губах обсохло.

В углу на манекене ловило редкие солнечные блики ритуальное платье. Тонкое, покрытое сложной вышивкой, обеспечивающей правильное течение магии в ходе бракосочетания. Только по нему одному я поняла, что брак предстоит полный, без возможности измены или развода. Пока смерть не разлучит нас. Что ж, так тому и быть. Не в смысле, что я планирую умереть молодой, а в том, что я надеюсь дожить до естественного окончания наших дней. В чемо-

дан лег самый минимум одежды, немногочисленные украшения, кое-какие бытовые мелочи. Памятных вещей почти и не было, как и чего-то такого, что хотелось бы забрать с собой. Полностью новая жизнь.

К обеду волнение немного схлынуло, я даже проглотила две ложки овощного салата, радуя возвращением хоть какого-то аппетита окружающих. Мать довольно улыбнулась. Раньше мне казалось, что она меня боится или на дух не переносит. А сейчас? Сейчас мне кажется, что она чувствует себя виноватой за что-то.

Макс отвлек от размышлений, подвигая блюдо с крошечными корзиночками с кремом. Подумав, цапнула одну. Большие магические нагрузки заставляют налегать на сладкое. А мне они предстоят огромные и, скорее всего, болезненные. Так что лучше подкрепиться заранее.

Мысли сползли на сегодняшнюю ночь. Первую брачную, чтоб ее. И технически невозможную. И обидно, с одной стороны, гложет меня люопытство, но в то же время от этого становится легче. Все-таки совершенно посторонний человек... Выговориться кому-нибудь на эту тему хочется страшно. Но не начинать же за столом, не оценят тему для беседы. В два глотка допив чай, отговариваюсь желанием поспать перед предстоящим событием хотя бы пару часов. В комнате думается легче, и постоянного направленного на меня внимания нет. Украшение на шее уже почти не ощущается, настолько быстро я к нему привыкла. Зеркало безжалостно показывает мне всю мою синюшную бледность и тени под глазами. Вроде и сплю достаточно, а утекающая из организма магия дает отпечаток. Потрясающая красавица, конечно.

Перед глазами всплывает одна из фотографий из личного дела Михеля, та самая, где он с младшей сестрой. Невольно вырывается смешок – надеюсь, у него хорошая дикция, иначе сестра и очередная жена не различат издали, кого именно он зовет. Лина и Рина, надо же, как совпало.

Вот только поспать действительно надо, иначе напутаю что-нибудь в словах клятвы и все, крышка, всем крышка. И мне в первую очередь. Восстанавливаю в голове образ магистра и бормочу:

– Ну, жених, приснишь что ли невесте?

И проваливаюсь в сон, едва успев завернуться в одеяло. Снится какая-то ерунда, обычный бред от волнения и неправильного режима. Я почему-то бегу по лабиринту, наполненному тенями, яркими вспышками и смесью свалки с магазином игрушек. Из повешенных в самых неожиданных местах зеркал на меня то пристально смотрит черноглазый мужчина какой-то восточной наружности, то кидает недовольный взгляд ярко-рыжая девица. Оба смотрят недобро, вынуждая бежать еще быстрее, задыхаться.

В какой-то момент меня дергают за руку, я успеваю только ощутить сильную хватку на локте, почувствовать запах лакированного дерева, будто бы чьего-то стола, и что-то смутное, незнакомое, но заставляющее вдыхать глубже. И просыпаюсь в холодном поту, еще более разбитая, чем до сна. Кулон на шее приятно холодит кожу, но стоит мне вылезти из-под одеяла, как меня пробивает озноб.

– Рина? Ты кричала, – слышу голос матери от двери.

– Странный сон приснился. Надо меньше днем спать, и не такой бред увидишь.

– Не хочешь рассказать? – она заходит, прикрывая вход в комнату.

Садится на край и мягко гладит по волосам, как даже в детстве не делала. Или делала настолько редко, что я этого не помню, но от этого прикосновения становится почему-то противно. Рассказывать ничего не хочу, просто качаю головой, продолжая трястись и пытаться закутаться обратно в свой кокон из одеяла. Она помогает, а потом кивает на сверток в руках:

– Твою рубашку пошили. Но твоя бабушка просила, чтобы ты примерила ее уже на новом месте. Я уберу в чемодан? На нем еще нет заклинаний?

Качаю головой – чемодан чист, его еще не запирали, я хотела попросить отца, но еще не успела. А вот от просьбы бабули чувствую подвох. Что-то она задумала, прощальную шутку,

наверняка. Меня оставляют одну, я выжидаю несколько минут, прислушиваясь к звукам в коридоре, и выползаю в ванную, чтобы хоть как-то прийти в себя после этого потока бреда. Смысла красится или плести сложные косы нет – ритуалы предполагают только специальные одежды, все остальное лишнее, мешающее течению энергии через тело. Так что достаточно будет того, что волосы окажутся чистыми и хорошо расчесанными.

Окунать подвеску в воду боюсь, поэтому кладу странный цветок на бортик рядом с головой, благо, что длина цепочки позволяет это сделать, и надеюсь, что не удушю себя им. И расслабляюсь, прикрывая глаза. У меня есть несколько часов, прежде чем за мной приедут. Надо провести их с пользой. Например, потратить на себя и свои расшалившиеся нервы. Никогда не была такой встревоженной, но все бывает впервые.

Хотя, наверное, было бы странно, если бы я не переживала в такой день? Надо было все-таки поговорить с матерью и бабушкой о том, что меня ждет ночью. Ритуалы меня не пугают, и видела, и даже участвовала в некоторых, а вот то, что будет после... Нет, они рассказывали в теории, но очень скупое, как-то без деталей, мать все время считала меня слишком маленькой для них. А вот теперь мне это пригодилось бы. Но уже поздно. Жаль. Впрочем, эта теория так и останется голой теорией.

Жалко.

Я попыталась снять кулон, чтобы помыть голову, но тот кольнул пальцы, словно показывая характер и говоря, что ничего у меня не выйдет. Ну и параноик ты, Михель Вирт. По спине будто пальцы пробежались, а в голове раздался низкий смех и слова «Зато живой». Он что, подсматривает? Следит? Как?!

За дверью раздали шаги. Звук этих каблучков я узнаю из сотен тысяч. Бабушка над моими огромными глазами и нервным вопросом только посмеялась.

– Конечно, ему же нужно, чтобы ты добралась в целости и сохранности. Ты всплывать собираешься? У тебя всего два часа до приезда провожатых. Нужно одеваться.

*

Забирали меня две обыкновенной наружности девицы, но зато с нашивками ордена на плечах. Формой в повседневной жизни маги пренебрегали, зато всевозможные метки отличия были крайне популярны. У отца вот были крайне характерные запонки, с первого взгляда позволяющие определить принадлежность. Пусть и к верхней половине среднего звена. Не правящая верхушка, но близко к ним.

Одна, ярко-рыжая, словно голова у нее горела, смерила меня равнодушным взглядом. На лице отчетливо читалось: «Еще одна». Понять я ее могла, последнюю такую как я она забирала буквально год назад. Очередная блондинка сбежала через месяц после свадьбы, успела показаться на одной из центральных улиц города с каким-то парнем, а потом ее тело нашли в переулке. От Михеля тогда негласно отвернулась значительная часть магов. Даже дела вести перестали, хотя при прямом приказе от магистра – подчинялись. Детей своих маги ценили. И, как я уже говорила, если чьи-то жены слишком часто мрут при странных обстоятельствах – это повод задуматься. Ведь даже если он не избавляется от них специально, он может оказаться домашним тираном, ведь так? Так рассуждало большинство. Это в моем случае других вариантов не было. Мало кто согласится тянуть на себе бракованную полукровку.

Два изгоя «приличного» магического сообщества. Ладно, не буду себя накручивать.

В пустом холле бабушка, как глава семьи, накинула на меня темный плащ. Домашняя магическая подпитка почти сошла на нет, но слабости пока не было. Мне должно хватить сил доехать до нового места, а там уже я подсоединюсь к магическому источнику семейства Вирт. Ба мягко улыбается, касаясь моей руки на прощание и кивает.

Поездка предстоит молчаливая – так положено, да и говорить мне с магичками особо не о чем. Вся эта перевозка из дома в дом – сравнение с путешествием души по ту сторону жизни и смерти. Скитание во мраке без имени, лица, плоти и голоса. Без собственной силы – ткань

плаща не дает моему магическому фону стать заметным, так же как не позволяет мне получать подпитку извне. Полная изолированность от мира живых.

Я сидела в машине между двумя орденскими девицами, слушая тихий шорох шин. В какой-то момент даже начало клонить в сон, но спать было нельзя. Вообще, по идее я должна была во время поездки настраиваться на грядущий ритуал, думать о своей будущей совместной жизни. Трястись от волнения перед первой брачной ночью, наконец. В голове не было ни первого, ни второго, ни третьего. Только пустая дорога за окном.

Магистр жил за городом, переехал подальше от людей сразу после травмы. В чем-то это желание можно понять, тем более, ходили слухи о скандале в благородном семействе, но было это до травмы или после... Я попыталась представить себя в такой ситуации – наверняка залезла бы в самую отдаленную дыру, лишь бы не дергали лишний раз, напоминая о собственном увечье. На миг прикрыла глаза, вспоминая ощущение ладони на шее. А если у него вспышки гнева? С этой тревожной мыслью пробежалась глазами по ученицам мага, но те выглядели здоровыми, нетронутыми и довольными жизнью. Личных дел их я не видела – допуска родственников не хватало, и выяснить, из какой дыры их вытащили, оказалось невозможно. Но я все-таки надеялась, что какой-никакой, а общий язык мы найдем. Все равно под одной крышей жить.

Пейзаж плавно сменялся. Город оставался позади, а я начинала волноваться все сильнее. Кажется, это даже было заметно со стороны. Хотя – не удивительно. Никогда не умела держать лицо. Уголок губ рыжей – той, что побледнее – дернулся в намеке на ободряющую улыбку, но та быстро поборолла порыв. Вторая, та самая, с пылающей головой, только прикрыла глаза, замечая наши переглядки. Спокойная, словно скала, с отметкой боевика, спрятанной в вышивке на рукаве. Даже в чем-то по-своему красивая.

Темнота снаружи была практически непроглядной. Еще и дождь заморосил, навевая странную тоску. Пока еще не по дому – хоть я и была уверена, что меня и ею накроет – а по чему-то неясному. Пальцы сами сжали цепочку кулона так, что звенья впились в кожу. Вдох. Выдох. Соберись, Рина, сейчас важный момент.

Вдали показалось человеческое жильё. Ворох однотипных построек, скорее всего служебных. Обширные владения. На миг вспыхнул ограждающий внутреннюю территорию защитный купол. Любопытно, на чем он держится... наш домашний тянут на себе бабушка и отец. А тут? Есть свой источник магии или же Вирт тянут дом на себе? Если второе, то они жуткие. В хорошем смысле, но все-таки. Но, скорее всего, у такой семьи есть свой источник.

Кулон на шее на миг кольнул кожу, вступая в резонанс с защитным полем. А я вдруг расслабилась, почему-то почувствовав себя дома. На своем месте. Под защитой. В зеркале поймала едва заметную улыбку глазами от одной из учениц мага. Попыталась взять лицо под контроль, но уголки губ сами дернулись в ответ. Что ж, по крайней мере явной неприязни ко мне не выражают. Знать бы еще, что на это повлияло.

У крыльца меня уже ждали. Миловидная блондинка, невысокая, примерно одного со мной роста – те же самые полтора метра в прыжке с табуретки. Лина Вирт, сестра магистра, моя, получается, пока еще будущая золовка. Девушка улыбнулась и жестом пригласила следовать за собой в дом. Я шагнула через порог, ощущая волну тепла.

Поток силы, густой словно смола, прошел меня насквозь. Дом приветственно прошелся по мне своим вниманием. Вот это сила в семействе... создать псевдоразум для постройки. Такую мощь передавать надо, а у них вся надежда только на Лину. И то: при условии, что ее потенциальный избранник согласится перейти в ее семью. Но отторжения я не ощущала, мне здесь нравилось, даже несмотря на некоторую мрачноватость. По первому впечатлению, по крайней мере.

Рассмотреть убранство полутемного дома мне не удалось, да и внимание было сосредоточено на том, чтобы удержать себя в руках. Начала ощущаться нехватка собственной магии, а

остатки старой подпитки от родной семьи сходили на нет, порождая пока не слишком мешающую, но противную слабость. Хозяйка дома у входа в подвал придержала меня за локоть, когда я оступилась, запутавшись в полах плаща. У тонких девичьих пальчиков оказалась железная хватка, наверняка утром останется синяк. Но это померкло, когда я шагнула под своды ритуального зала, невольно выдыхая.

Сердце дома представляло собой несколько необработанных каменных глыб. У плоского камня – жертвенной части алтаря – сидел «виновник торжества». Меня затрясло, стоило ему поднять глаза – на фотографиях не было видно их оттенка, а вот вблизи, вживую, я понимала, что у людей настолько насыщенного синего цвета радужки не бывает. Он настолько пропитался магией, что стал чем-то иным, не человеком. И когда это нечеловеческое существо посмотрело на меня, я невольно сглотнула, ощущая прошедший по спине холодок.

Верхушку магической власти так близко я никогда еще не видела. Обернувшись через плечо на миг, попыталась рассмотреть глаза его сестры. Такие же яркие, словно светящиеся, но цвет иной, золотисто-рыжий, как будто они отражают пляшущее на стенах пламя. Лина не дала себя долго рассматривать, указала на место с другой стороны алтарного камня.

Ритуал отличался от общепринятого, что выбивало из колеи, но и не позволяло провалиться в свои размышления. Устаревшая форма языка не давала шанса понять смысл того, что читала Лина, как проводящая обряд. Я различала только слова «связь» и «смерть». Кажется, только она будет способна нас разлучить. Вздрыгнула, когда она ухватила меня за предплечье, заставляя держать руку на весу, рядом с рукой Михеля. Мое синюшно-бледное запястье казалось еще меньше рядом с ним. По нам обоим слитным движением туда и обратно прошелся ритуальный нож. Когда на рану попала чужая кровь, внутри все словно загорелось, но девушка перевернула руки к камню, сжимая сильнее. Кровь начала впитываться в алтарь.

Меня повело, я держалась только за тяжело падающие в пространство слова и внимательный взгляд напротив. Сил хватило, чтобы синхронно произнести завершающее «Принимаю тебя», а потом я накренилась вперед, рискуя разбить лицо об алтарь. Рывок – и я уже снова сижу, удерживаемая горячими, словно в лихорадке, руками.

– Ты молодец, – от голоса по спине пробежали мурашки, – хорошо держалась. Силы разговаривать есть?

Неопределенно жму плечами. Над ухом хмыкают, зачарованное кресло медленно движется куда-то вверх. Главное, чтобы меня не укачало. Говорят, перестройка организма может затянуться на месяц. Надо просто подождать, и я не буду постоянно ощущать свое тело качественно отбитым куском мяса. Хоть пойму, как себя чувствуют нормальные люди.

Прикрываю глаза, потому что от бесконечных поворотов начинает подташнивать. Положение немного смущает, но возмущение сейчас выше моих сил, да и есть в происходящем своя прелесть. Чуть ниже по лестнице стучат каблуки Лины, но когда холод подвальной лестницы сменяется теплом – первого? да, вроде первого – этажа, она уходит в другом направлении. Тяжелая рука ненавязчиво лежит поперек туловища, удерживая на месте, не давая рухнуть на пол.

– Твоя дверь справа, – негромко произносит он. – Но сегодня тебе придется спать со мной в одной постели, чтобы магические связи окончательно закрепились. Потом ты спокойно переедешь в свою часть дома.

Я приподнимаю голову, рассматривая деревянную дверь. Киваю, с трудом воспринимая слова. Он заезжает в свои комнаты. Просторная гостиная. Еще одна дверь. Спальня. Сонливость спадает, я понимаю, что у меня горят щеки, пылают уши и шея. Мужчина хмыкает и кивает на ширму. Я неловко соскакиваю с его колен, едва не путаюсь в подоле платья. Он отправляется за другую перегородку, я же прячусь за ту, на которую указали мне. Нахожу там же свой чемодан. От обилия переживаний начинает потряхивать, поэтому вытягиваю теплую пижаму, первое, за что цепляется взгляд и по странному совпадению лежащее сверху.

Стоит раздеться – по телу проходит очищающее заклинание, его якорь, небольшой фрагмент резьбы на основе ширмы, на миг начинает искриться. Быстро одеваюсь, ныряя под одеяло, зажмуриваясь.

В тепле постели снова начинаю засыпать, но расслабленное тело напрягается, когда матрас с другого края проседает. С невольным вырвавшимся тяжелым вздохом поворачиваюсь к теперь уже мужу. Даже вот так, максимально близко, он не выглядит на свой возраст, все еще мальчишка мальчишкой. Только глаза взрослые, уставшие от происходящего в жизни.

– Если хочешь что-то спросить – спрашивай. И двигайся ближе. Не бойся, не трону. Моя репутация сильно преувеличена.

– Я не боюсь. В голове пока столько мыслей, что не знаю с чего начать, – осторожно придвигаюсь к нему.

Блондин вытягивает руку, давая возможность устроиться под боком, аккуратно приобнимая. Тепло. И даже почти не напрягает. Есть в нем что-то располагающее, и я надеюсь, что мне не придется увидеть его другое лицо. В то, что Вирт белый и плюшевый, я не верила. Бесхребетные магистрами не становятся, да и из того пекла, куда кидали его прежними не возвращаются.

– Есть что-то, что мне нужно знать? Ну, там, комната, которую нельзя открывать...

– Неоригинально, придумай другую отсылку.

– Что? – я даже приподнялась на локте. – В каком смысле?

– Сказка про синюю бороду уже избита. Но – нет. Таких комнат нет. Лаборатории тебя сами не пустят без меня или Лины, алтарная тоже. А больше ограничений нет. Вру, еще мой кабинет. Знаешь, мне нравится, что ты от ужаса не трясешься. А как же стереотип о тиране, не дающем вздохнуть чуть громче, выбирающим молодых, чтобы подпитываться их магией? – он приоткрывает один глаз, рассматривая меня.

– А как же стереотип о малолетке, скачущей в постель к сильным состоявшимся магам, чтобы исправить собственные проблемы с магией?

Он тихо засмеялся, укладывая меня обратно и натягивая выше одеяло. Я хотела спросить что-то еще, но он только шепнул «Давай с утра» и прикрыл глаза.

3. Новая жизнь

Проснулась я одна, посреди постели, тщательно укутанная в одеяло со всех сторон как в кокон. Михеля в комнате уже не было, даже слышно не было. Зато чувствовала я себя удивительно хорошо – так, как никогда за восемнадцать лет своей жизни, ничего не болит, противной слабости нет “вотпрямсутра”. Только сев и осмотревшись поняла, что нахожусь не в той же спальне, где засыпала, а в каком-то другом, явно необжитом помещении. Меня перенесли? Ну да, правильно, магическое состояние стабилизировалось, можно и жить каждому собственной жизнью. Ожидаемо.

В углу за ширмой нашлась дверь ванной. Я немного повозилась с температурой воды, и через несколько минут с удовольствием соскользнула в горячую воду, позволяя себе расслабиться. Тело ощущалось сильным и послушным, как и должно быть изначально, а не как та поломанная кукла, что жила вместо меня все это время, понятно, что это ощущение на контрасте, что до идеала еще далеко, но... Уже одно это окупало брак с лихвой. Возилась я не слишком долго – тоскливый вой желудка помешал понежиться в ванне еще немного. Решив осмотреться в своих комнатах, пока просыхают волосы, в одном халате выскользнула в гостиную.

И тут же затянула узел потуже – супруг сидел за столом, явно дожидаясь меня. Услышав мои шаги, он поднял взгляд от газеты, изогнул бровь и прошелся неторопливым взглядом сверху вниз, задержав его на босых ногах. Я завернулась в ткань еще плотнее, уверенная, что вздох мне послышался, и нервно переступая. Неловко получилось.

– Доброе утро, Рина. Завтракать будешь? – он кивнул на столик.

– Доброе. Буду. Только я пойду и...

– Меня не смущает твой вид.

Почему-то в это и верилось, и не очень, и не знаю, чего было больше. Одно могу сказать точно – лично меня смущало нахождение перед симпатичным мужчиной в одном халате, но раз уж ему это не мешало... Вирт еще раз указал на кресло, и я сочла за лучшее сесть и не возмущаться. Спрятала ноги под стол. Блондин небрежно сложил газету, откидывая ее в сторону, а мне в голову полезли всякие неуместные мысли. Но быстро улетучились, стоило отвесить себе воображаемую пощечину. Что-то фантазия расшалилась.

Михель дернул пальцами, и посуда на столе пришла в движение. Да уж, моим родственникам явно не доставало этой изящной, непринужденной легкости в использовании магии. Он колдовал так, как другие дышат – просто не замечал этого. Естественно. По коже прошлись мурашки, а может, просто вода с волос стекала.

Я слишком нервным жестом вцепилась в чашку, не понимая, что со мной происходит. Такая буря чувств и эмоций была мне не свойственна. У обследовавшего меня медика было предположение, что аномалия магических каналов не дает организму полноценно работать в том числе – в плане гормонов. Проще говоря, меня ждали все прелести переходного возраста. И никакой возможности реализовать фантазии. Главное не краснеть сейчас, главное не краснеть.

– Итак, я хотел обговорить некоторые моменты, касающиеся нашей с тобой совместной жизни. Думаю, мы оба прекрасно понимаем, что брак исключительно по расчету и никаких иллюзий по этому поводу не питаем? – внимательно посмотрел он мне в глаза, что-то выискивая.

– Само собой. Исключительно взаимовыгодное мероприятие, – волнение начало потихоньку сходить на нет.

– Отлично. А то имели место, – неопределенно сжал пальцы, – прецеденты. От меня наивно ждали бури чувств и эмоций. Обоих видов. Не то любовь всей жизни мечтали сыграть, не то в жертву кровожадного серийника.

– А что на деле? Если это не секрет, – я снова спряталась за чашкой.

– Не только воду пей, – он подтолкнул ко мне укрытую крышкой и заклинанием тарелку. – Не секрет. Мне нужна магичка с конкретной направленностью дара. Моя травма порождена исключительно заклинанием. Только вот с темными целителями нынче проблема.

А уж тем более с целителями брачного возраста. Это правда. Зато и такой «перебор» дефектных девиц стал понятен. При полном магическом браке исправляются недостатки и проявляется врожденный дар. А раз в восприятии магии такие супруги практически одно и то же, то исцеление становится вопросом времени. Что же до любви... единицы среди магов могут этим похвастаться. Уважение, взаимная приязнь – не более. Чаще всего – голый расчет, передача своей силы, рождение одаренных детей. Ничего личного. Или наоборот – только личное. Личные интересы и амбиции.

Оставался вопрос про бывших жен, слишком уж выгодными для Михеля выглядели их смерти, но спросить я не рискнула. Впрочем, он явно ощущал, что размышляю я непосредственно о нем, да и по лицу прочитать было не сложно – вся родня об этом говорила, что я не умею держать себя в руках. Он аккуратно коснулся моей ладони:

– Если хочешь спросить о своих предшественницах – спрашивай.

– Я не уверена, хочу ли я этого на самом деле. Хочу ли я знать.

– Тебе все равно придется с этим столкнуться. Но можем и отложить, если ты так хочешь. А пока – о твоей жизни, – он чуть дернул щекой, выпрямляясь еще сильнее, а мне почему-то показалось, что это сигнал тщательно скрываемой боли. – В среднем магические каналы приходят в порядок около месяца, так что не слишком напрягайся. Даже если тебе сейчас кажется, что все в порядке. Поверь, сейчас тебе это только кажется.

Я кивнула. Слышала о таком. Байки о поспешивших идиотах обоих полов ходили самые разные. И полное лишение магии в них было самым мягким вариантом развития событий. Я терпеливая, я подожду, тем более, что теорию-то можно и так изучать. Что-то мне давали, но явно самые азы. Михель мягко улыбнулся, но улыбка теперь упорно казалась вымученной. Игры воображения какие-то пошли.

Мы ненадолго отвлеклись на еду, я искоса рассматривала сидящего напротив мужчину. И закономерно подавилась, когда встретилась взглядом с ярко-синими омутами напротив. Снова мучительно покраснела.

– Осторожнее, – он подал салфетку.

Меня спасла хлопнувшая дверь. Вошедшая Лина светло улыбалась и в целом фонтанировала в мир таким количеством позитива, что невольно хотелось поискать солнечные очки. Или предложить девушке лимон, чтобы как-то уменьшить этот поток позитива и любви к жизни вокруг себя.

– Всем приятного аппетита! Не переживайте, я уже ела! Я по другому вопросу, – она опустилась в свободное кресло, поджав под себя одну ногу. – Ты же не будешь против, если я после завтрака займу твою супругу на несколько часов? Потрещим немного, о своем, о девичьем.

– Как я могу тебе отказать, – мягко улыбнулся он младшей сестре.

За этой нейтральной фразой так и слышалось «Тебе отказывать – себе дороже», Лина Вирт, в отличие от брата с радаров не пропадала, и репутация у нее сложилась под стать старшему родственнику. Сильная, пробивная, идущая к своим целям разве что не по головам. А может и по ним, но кто об этом скажет вслух? Дуэли у магов запрещены не были, и по полу ограничений никто не делал, многие магички были теми еще любительницами решать вопросы силой.

От холодного взгляда улыбающейся девушки внезапно пропал аппетит. Я пробормотала что-то про необходимость переодеться. За дверью раздались негромкие голоса, но подслушивать я не рискнула. Быстро вытащила что-то более-менее повседневное из гардероба, наспех прочесала волосы и выскочила из спальни. Два взгляда тут же сфокусировались на мне, заставляя прижаться к двери. Михель тяжело вздохнул:

– Не бойся, я не кусаюсь.

– Не могу о себе сказать того же, – тут же откликнулась Лина.

– Обнадеживает. Настораживает, – ответила им по очереди, нервно кивая и стараясь не таять под взглядом мужа.

– Я вас оставлю. Лина, запомни, о чем мы говорили, – произнес он со странной интонацией.

– Ничего не могу обещать. Но она останется жива, – старший маг покинул комнату. – Не дрейфь, мы так шутим. «Добрый и злой дознаватель», все дела.

Девушка пересела ближе, притягивая к себе чашку брата. Взмахом руки очистила и налила свежий чай. Взгляд снова стал пронизывающим, словно меня препарировали, тщательно вымеряя степень моей нужности в том или ином виде. Яркие глаза блондинки, сейчас не окрашенные магией, напоминали лед, бликующий на солнце. Прекрасное зрелище, но ты каждый миг помнишь о том, какая опасность тебя ждет. Она наклонила голову, заметив выбившуюся из-под ворота цепочку. Подцепила ее кончиками пальцев и тут же отдернула руку.

Прошипела что-то про параноиков недобитых, которые по нелепой случайности приходят ей родственниками. До того, как заживляющее заклинание дало свои плоды, я успела разглядеть ожог на пальцах и темное, увеличивающееся пятно на ногтях. Что-то смешанное, мне даже на миг показался одновременно запах паленого и гниющего, только он быстро сошел на нет.

– Все-таки предыдущий печальный опыт дает о себе знать. Братец с тобой посчитался и не стал рассказывать о предшествующих женушках, – надо же, сколько сарказма в голосе, – а я считаю, что тебе следует это знать.

– После этих слов я уже ожидаю услышать угрозы.

– Угрожать кому-то с утра – получить несварение желудка и испорченное настроение на весь день, я таким не страдаю. А вот...

Лина отвлеклась на чай. И спустя несколько томительных секунд принялась рассказывать. Первым делом отвергла мои подозрения в свой адрес, хотя и признала, что не ожидала иного предположения, да и будь она сама чуть более цинична, возможно бы и вырезала «неудачных» невест брата, давая ему шанс все-таки найти в горе руды бриллиант, но сам Михель бы не оценил подобный жест. А Лина плевалась в сторону «воспитанных в отрыве от традиций дурех», которые не понимали самой сути полного брака.

И пытались либо подставить супруга, что выливалось в откат на стадии первых попыток, или лезли в непонятные интрижки на стороне, что приравнивалось к нарушению супружеской клятвы. Отметка в ауре тела, даже при кажущемся несчастном случае, оставалась соответствующая. Поэтому особых разборок и не было – со стороны Вирта все было чисто. Но пыл желающих пристроить своих чадушек родителей поутих. Видимо, объективно оценивали их склонности. А вот мои предки, кажется, были свято уверены в том, что я налево не пойду.

Надо признать, причины у них для этого были. Я элементарно не интересовалась отношениями, слишком серьезная врожденная аномалия накладывала отпечаток на повседневную жизнь, и вводить кого-то еще в близкий круг не хотелось. Даже друзей почти не было, так, редкое общение с детьми отцовских коллег. Но можно ли это назвать дружбой? Сомневаюсь. Тем удивительнее было это иррациональное доверие, которое я упорно считала порождением богатой фантазии и кучи прочитанных в чуть более нежном возрасте романов. Я задумчиво скользнула пальцами по цепочке на шее, снова ощущая эту мягкую, обнимающую волну чужой магии. Вернись в реальность, Ринка...

– А ведь ты его не боишься, – девушка наклонилась ко мне ближе. – Точно, не боишься! Видела бы ты сейчас свое выражение лица...

– А я должна? Бояться?

– Нет, но всех почему-то рядом с ним трясти от ужаса начинает. Вот! У тебя опять это лицо!

Я задумалась, прокручивая в голове ощущения от нахождения рядом с мужчиной, стараясь не думать о том, что же у меня там с выражением лица. Да, океан силы вокруг давил, но не пугал. Даже в те первые моменты, когда я еще дома ощутила отголосок его магии. Скорее, я чувствовала себя под защитой. Лина придвинулась ко мне еще ближе:

– Знаешь, ты первая кто на него так реагирует. И я буду рада, если у вас сложится хотя бы дружба. Он, конечно, этого не покажет ни тебе, ни кому-либо еще, но ему очень не хватает простого человеческого тепла. Я-то его как облупленного знаю, – она постучала ногтями по столу. – Собирайся, пойду тебя по дому проведу и с другими его обитателями познакомлю. И, Рина...

– Да?

– При всем моем пока хорошем к тебе отношении, учти – если я хоть на миг заподозрю тебя в чем-то, – она неопределенно взмахнула рукой, – этаком, пеняй на себя. Я церемониться не стану.

– Я это учту.

4. Знакомства

Мы вышли в коридор. Вчера я толком не рассмотрела дом, а сегодня уже могла в полной мере оценить мощь здания в три надземных этажа и минимум два подземных. Строили основательно, на века, и явно в надежде на большую семью. Или хотя бы на обилие учеников – у магов они тоже практически к родственникам относятся. Зачастую, именно учителя становятся ближе кровных родителей, особенно у самородков, рождённых в обычных семьях. Да, маги живут открыто, являясь главной силой, определяющей то, как устроен мир. Вот только обывательский страх от этого никуда не исчезает. Я даже по своей матери это видела, по брату. Дома использование магии было сильно ограничено.

Здесь этого страха перед силой не ощущалось вообще. Этот контраст ощущений бил по нервам, заставляя вертеть головой. Даже самое обычное зачарованное пламя, не обжигающее и не сжигающее ничего, вызывало улыбку, только вот пустота коридоров немного напрягала. Лина наклонила голову, становясь похожей на задумчивую птицу. На мой немой вопрос ответила:

– Я пытаюсь представить себя в таких условиях. Если бы я росла где-то практически без магии, как бы я себя ощущала?

– Как будто ты была долго завернута в вату, а потом тебя из нее вытащили. И интересно, и волнительно, и страшно. Странное чувство.

По коридору ходил теплый магический «сквозняк», заставляющий то и дело вздрагивать от неожиданности, потому что ощущение больше всего походило на мягкое прикосновение к плечу, что заставляло оборачиваться в поисках кого-то неожиданно подошедшего слишком близко. Младшая Вирт каждый раз дергала уголок губ в намеке на улыбку, пока мы пересекали этаж, направляясь к основным помещениям. Жилые комнаты были далековато от центральной лестницы, видимо, чтобы обеспечить жильцам комфортное личное пространство и определенную степень приватности. Лина свернула куда-то вправо и поманила за собой. Тяжелые двери распахнулись, а потом в следующий миг нам пришлось уворачиваться от летящего с нецензурным воплем тела. Я успела дернуться в бок только благодаря тому, что Вирт утянула меня за собой, буквально вжимая в стену, шипя что-то недовольное.

Вылетевшая в коридор коротко стриженная рыжая девица, та самая, что забирала меня вчера и за чей позвоночник я сейчас серьезно опасалась, только вскочила на ноги, хрустнув встающими на место позвонками, и рванула обратно, в самую настоящую «свалку» в центре зала. Из-за плеча Лины открывался прекрасный вид на швыряющийся заклинаниями ворчащий клубок, но разобрать, кто и в каком количестве затеял эту драку, я не могла. Различались только отдельные лица, когда кого-то отбрасывало в бок. Пока насчитала троих, но рассмотреть силуэты в постоянно меняющемся свете не было никакой возможности.

– Пойдем наверх, они скоро закончат, заодно и познакомимся. Разница в возрасте у вас небольшая, а этой компании нужен кто-то, кто думает головой, а не несется решать проблемы с пульсаром наперевес.

– А они так делают?

– Пытаются. Если я не успеваю отвесить воспитательных пинков.

В ее голосе было поровну и веселья, и усталости, я же не удержалась и с некоторым сомнением посмотрела на невеликих габаритов магичку. А еще глаза девушки отчетливо дернулись наверх в попытке закатиться, но она себя удержала. Я понимающе улыбнулась, достали они ее явно до печени. Мы проскочили на лестницу, над которой тускло мерцала зеленоватая пелена, поглощавшая прилетающие в нее сгустки магии. Дышать сразу стало легче, но руки продолжали мелко трястись. Моя – кто там она мне, получается? Золовка? – кивнула в сторону кресла, продолжая наблюдать за происходящим внизу.

– Райли, ты уже труп! Если бы это было полноценное боевое, тебя даже некромант не поднял бы! Крис, ты ее опять жалеешь! – то и дело раздавалось под сводами, усиленный голос отражался от стен со страшной мощью. – Вот, сам виноват. Повелся на красивые глазки и глупо подставился, и нечего на Герду так смотреть, она совершенно права. Думать надо головой, все остальные органы для этого не приспособлены.

В ответных выкриках я ничего не разбираю, но, видимо, Лина слишком хорошо знала эту компанию, по движениям губ и выражению лица понимая все возмущения. Начавшую было шевелиться в груди мерзкую зависть я задавила усилием воли. Я теперь тоже часть этого круга. Стану ей в скором будущем. И мое полноценное, а не формальное принятие в него – вопрос только времени и моих усилий.

Вирт отвернулась от зала, сжимая переносицу и прикрывая глаза. Сейчас ее сходство с братом стало настолько очевидным, словно они были близнецами, словно не было этой разницы в четыре года. Блондинка упала на сиденье рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.